

Самоутверждение и самоотношение полезависимых и полenezависимых подростков

А. П. Лобанов, А. С. Чижевская

10.10.2019

В статье представлены результаты исследования самоутверждения, самоотношения и когнитивного стиля «полезависимость/полenezависимость» обучающихся подросткового возраста. Определены стратегии самоутверждения (конструктивные, деструктивные, отказ от самоутверждения) и факторы самоотношения (самоуважение, аутосимпатия, внутренняя неуверенность) подростков, обучающихся в V, VII и IX классах, а также установлен прогрессивный рост показателей полenezависимости.

The article presents the results of the study of self-assertion, self-attitude and the cognitive style of “field dependency / field independence” of adolescent students. Strategies of self-affirmation (constructive, destructive, refusal of self-affirmation) and factors of self-attitude (self-esteem, autosympathy, internal uncertainty) of adolescents of the 5th, 7th and 9th forms, as well as the progressive growth of indicators of field independence are defined.

Ключевые слова: самоутверждение, стратегии самоутверждения, самоотношение, факторы самоотношения, когнитивный стиль, полезависимость/полenezависимость, обучающиеся, подростки.

Keywords: self-affirmation, self-affirmation strategies, self-attitude, self-attitude factors, cognitive style, field dependence / field independence, students, adolescents.

Понятие стиля было заимствовано психологической наукой из области искусства. Его операционализация потребовала значительных временных затрат и осуществлялась представителями разных психологических школ и течений. Объединяло работы учёных стремление к конкретизации и индивидуализации содержания этого понятия. Принято считать, что у истоков стилевого подхода стояли А. Адлер, Г. Оллпорт и Р. Стагнер.

Психолог А. Адлер употреблял термин «жизненный стиль» (или «стиль жизни») в контексте учения о социальных интересах. Стиль, по его мнению, характеризует социальную полноценность человека,

однако не создаётся им, а складывается в процессе взаимодействия личности и социальных условий её жизнедеятельности. Г. Оллпорт рассматривал стиль как совокупность инструментальных черт личности:

*Александр Павлович Лобанов,
доктор психологических наук, профессор,
профессор кафедры возрастной
и педагогической психологии факультета
социально-педагогических технологий
Белорусского государственного педагогического
университета имени Максима Танка*

*Анастасия Сергеевна Чижевская,
магистрант кафедры возрастной
и педагогической психологии факультета
социально-педагогических технологий
Белорусского государственного педагогического
университета имени Максима Танка*

вежливости, разговорчивости, постоянства и решительности. Р. Стагнер уже различает перцептивные и реактивные стили, по существу являющиеся операциями, которые личность использует для удовлетворения своих мотивов [1; 2]. В настоящее время, несмотря на присущую понятию стиля междисциплинарность и поливариативность толкований, наиболее полно оно представлено в теории когнитивных стилей.

Когнитивный стиль одновременно относится к сфере познания и характеризует личность, о чём недвусмысленно свидетельствуют наиболее известные классификации когнитивных стилей: Д. Уорделла и Дж. Ройса, Ч. Носала и М. А. Холодной. Так, основанием классификации Д. Уорделла и Дж. Ройса [3—5] выступает континуум «когнитивные стили — когнитивно-аффективные стили — аффективные стили»:

- *когнитивные стили* объединяют семь конструктов: когнитивную простоту/сложность, узкий/широкий диапазон эквивалентности, узость/широту кате-

гории, аналитический/тематический стиль, конкретную/абстрактную концептуализацию, стиль заострения/сглаживания и компарментализацию;

- *когнитивно-аффективные стили* представлены рациональным (полезависимость/полenezависимость), эмпирическим (узость/широта сканирования) и метафорическим (беглость идей) стилями;
- *аффективные стили* включают ригидный/гибкий когнитивный контроль, толерантность к нереалистическому опыту, импульсивность/рефлексивность и физиогномический/буквальный стиль.

Все три группы стилей являются относительно автономными, демонстрируя различные модели горизонтального взаимодействия. Полезависимый/полenezависимый стиль непосредственно взаимосвязан с первыми пятью вышеназванными когнитивными стилями и аффективным ригидным/гибким когнитивным контролем.

В свою очередь, узость/широта сканирования образует целостную структуру с когнитивными (аналитическим/тематическим стилем, конкретной/абстрактной концептуализацией, заострением/сглаживанием и компарментализацией) и аффективными (импульсивность/рефлексивность и толерантность к нереалистическому опыту) стилями. Когнитивно-аффективный стиль «беглость идей» взаимосвязан с компарментализацией и физиогномическим/буквальным стилем.

Согласно идеям Ч. Носала, типология когнитивных стилей основана на представлениях об уровне переработки информации и о способах её организации. Перцептивному (перцепция) и собственно когнитивному (понятие, модель, программа) способам соответствуют структура поля, сканирование, шкала эквивалентности и характер контроля. В данной системе координат полезависимость/полнезависимость расположена на пересечении перцепции и структуры поля наряду с перцептивной артикуляцией [2].

М. А. Холодная различает когнитивные, интеллектуальные, эпистемологические стили и стили кодирования информации. При этом под когнитивными стилями она понимает индивидуально-своеобразные способы переработки информации; под интеллектуальными стилями — способы постановки и решения проблем; под эпистемологическими стилями — способы познавательного отношения человека к происходящему; под стилями кодирования информации — способы её представления в зависимости от доминирующей модальности индивидуального опыта [6]. Характеризуя полезависимый/полнезависимый стиль, учёный исходит из классического подхода Г. Уиткина: полезависимые респонденты полагаются на зрительные впечатления, а полнезависимые — на свой внутренний опыт.

Предметом нашего исследования непосредственно является полезависимость/полнезависимость как когнитивный стиль, открытие которого принадлежит Г. Уиткину. Он изучал индивидуальные различия в восприятии вертикали, опираясь на исследования «фигуры и фона», «части и

целого» в гештальтпсихологии. Как известно, Г. Уиткин трижды пересматривал концепцию названного выше стиля, предлагая концепцию перцептивного поля, артикулированно-глобальный подход и концепцию полезависимости/полнезависимости в контексте общей теории дифференциации [2; 7].

Для диагностики полезависимости/полнезависимости Г. Уиткиным были разработаны оригинальные методики: «Тест стержня и рамки», «Тест корректировки положения тела» и «Тест вращающейся комнаты». В ходе экспериментов было выяснено, что полезависимые испытуемые с трудом преодолевают внешнее видимое поле, медленнее обнаруживают нужный элемент в сложном изображении. Полнезависимые испытуемые легко преодолевают влияние видимого поля, быстрее находят нужный элемент в сложном изображении. Кроме того, установлено, что интеллектуальная компетенция в большей степени присуща испытуемым с полнезависимостью, социальная — полезависимым испытуемым. Последнее положение позволило нам выдвинуть гипотезу о взаимосвязи когнитивного стиля полезависимости/полнезависимости с самоутверждением обучающихся.

Самоутверждение является внутренней побудительной силой личности. Оно предстаёт как самостоятельная потребность и стремление, составляет мотивационную сторону жизнедеятельности человека. Самоутверждение также принято рассматривать как форму поведения, результатом которой являются снятие напряжения, возникновение чувства удовлетворённости, обеспечение соответствующего уровня самооценки. Е. А. Киреева определила самоутверждение как стремление субъекта к переживанию самооценки и его результат, возникающий в процессе реализации им личностного потенциала [8].

Организация и результаты исследования. Исследование проходило в два этапа. На первом этапе мы изучали полезависимость/полнезависимость при помощи тестов «Скрытые фигуры» Л. Л. Тёрстоуна и «Включённые фигуры» К. Готтшальдта. На

Самоутверждение является внутренней побудительной силой личности. Оно предстаёт как самостоятельная потребность и стремление, составляет мотивационную сторону жизнедеятельности человека. Самоутверждение также принято рассматривать как форму поведения, результатом которой являются снятие напряжения, возникновение чувства удовлетворённости, обеспечение соответствующего уровня самооценки.

втором — самоутверждение и самоотношение обучающихся при помощи «Методики исследования особенностей самоутверждения в подростковом возрасте» Е. А. Киреевой и «Многомерного опросника исследования самоотношения» («Методики исследования самоотношения») С. Р. Панталева соответственно. Методика Е. А. Киреевой диагностирует стратегии самоутверждения:

конструктивное самоутверждение как переживание субъектом самооценности в процессе продуктивной деятельности; деструктивное самоутверждение — переживание субъектом самооценности (удовлетворённости собой) в процессе «разрушительной» реализации своего потенциала; отказ от самоутверждения, или переживание субъектом самооценности за счёт отчуждения от других, игнорирования и непринятия их мнений и достижений. Методика С. Р. Панталева определяет три фактора: самоуважение, аутосимпатию и внутреннюю неуверенность, которая свидетельствует о дезадаптации личности.

В исследовании, проведённом в 2019 году, приняли участие 54 подростка V, VII и IX классов одной из школ г. Минска. На основании эмпирических данных (табл. 1)

Таблица 1 — Показатели самоутверждения и самоотношения обучающихся подросткового возраста

Шкалы методик	V класс	VII класс	IX класс
Методика Е. А. Киреевой, самоутверждение			
Конструктивное	18,9	23,6	
Деструктивное	7,2	8,1	
Отказ	8,7	4,9	
Методика С. Р. Панталева, самоотношение (среднее/стен)			
Открытость	5,7/6	6,5/6	5,8/6
Самоуверенность	6,6/5	8,3/5	7,8/5
Саморуководство	6,8*/6	6,6/6	5,9/5
Зеркальное Я	4,5/5	5,6/6	4,2/4
Фактор самоуважения	23,6	26,5	23,2
Самоценность	7,2/5	9,8/7	7,7/6
Самопринятие	6,8/5	8,2/6	5,7/5
Самопривязанность	6,1/6	6,3/6	4,0/5
Фактор аутосимпатии	20,2	24,2	17,3
Конфликтность	8,9/6	4,6/5	7,9/6
Самообвинение	5,9/6	3,9/4	6,8/6
Фактор внутренней неуверенности	14,7	7,9	14,2

* Здесь и далее: полужирным шрифтом выделены самые высокие показатели в группах.

можно предположить, что к VII классу у подростков происходит рост конструктивного и деструктивного самоутверждения и снижение выраженности отказа от самоутверждения. Различия показателей стратегий самоутверждения действительно оказались статистически значимыми у обучающихся V и VII классов по шкале «Конструктивное самоутверждение» ($U = 104,5$) и шкале «Отказ от самоутверждения» ($U = 96$; $p < 0,05$). Для семиклассников в большей степени характерно конструктивное самоутверждение и менее характерен отказ от него.

Показатели самооотношения подростков по методике С. Р. Панталева вне зависимости от класса обучения соответствуют среднему уровню (находятся в пределах 4—7 стенов). При этом средние показатели по всем шкалам опросника (за исключением шкалы «Саморуководство») более предпочтительно выглядят у семиклассников. Они превосходят обучающихся V и IX классов по открытости (внутренней честности), уверенности в себе, самооценности, самопринятию и самопривязанности. Семиклассники менее конфликтны и склонны к самообвинению. Если принимать во внимание стенов, то наиболее стабильны в подростковом возрасте показатели открытости и самоуверенности, наиболее динамичны — показатели зеркального Я и самооценности. У семиклассников выше средние показатели самоуважения (они более самостоятельны, позитивно оценивают возможность контролировать свою жизнедеятельность и верят в себя) и аутосимпатии (сочетания положительной самооценки и доверия к себе).

Статистически значимые различия по отношению к себе были обнаружены, во-первых, у обучающихся V и VII классов по шкалам самоуверенности ($U = 99,5$;

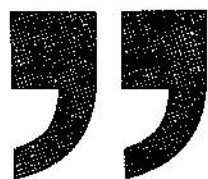
$p < 0,05$), самооценности ($U = 83$; $p < 0,01$), самопринятия ($U = 101,5$; $p < 0,05$), конфликтности ($U = 34,5$; $p < 0,01$) и самообвинения ($U = 96$; $p < 0,05$); во-вторых, у обучающихся V и IX классов — по шкалам самопривязанности ($U = 77,5$; $p < 0,01$); в-третьих, у обучающихся VII и IX классов — по шкалам зеркального Я ($U = 107,5$), самооценности ($U = 103$; $p < 0,05$), самопринятия ($U = 74,5$), самопривязанности ($U = 86,5$), конфликтности ($U = 76,5$) и самообвинения ($U = 87$; $p < 0,01$). Другими словами, такие личностные характеристики, как самооценность, самопринятие, конфликтность и самообвинение, претерпевают изменения на протяжении всего подросткового возраста. Напротив, самоуверенность локализуется при переходе от младшего к среднему подростковому возрасту, а зеркальное Я — от среднего к старшему подростковому возрасту.

В результате исследования когнитивного стиля подростков была установлена общая тенденция роста показателей полезности от класса к классу с учётом средних показателей итоговых баллов (стенов): 0,9 — 1,28 — 1,76 (по тесту «Включённые фигуры») и 4,44 — 5,14 — 5,37 (по тесту «Скрытые фигуры») (табл. 2).

При этом различия показателей у пятиклассников и семиклассников ($U = 75$), пятиклассников и девятиклассников ($U = 0$), семиклассников и девятиклассников ($U = 30,5$; $p < 0,01$) по тесту К. Готтшальдта являются статистически значимыми по U-критерию Манна — Уитни. Гипотеза о различиях выраженности полнезависимости по методике Л. Л. Тёрстоуна у обучающихся всех трёх групп не нашла статистического подтверждения.

В дальнейшем на основе медианного критерия мы сгруппировали испытуемых в зависимости от соотношения их самоутверждения и полнезависимости: полнезависимости: по соотношению трёх способов самоутверждения и когнитивного стиля с их выраженностью выше и ниже среднего уровня (табл. 3).

Распределение испытуемых в квадрате «полнезависимость/полнезависимость и конструктивное са-

Средние показатели по всем шкалам опросника (за исключением шкалы «Саморуководство») более предпочтительно выглядят у семиклассников. Они превосходят обучающихся V и IX классов по открытости (внутренней честности), уверенности в себе, самооценности, самопринятию и самопривязанности.

Таблица 2 — Показатели полнезависимости/полнезависимости обучающихся подросткового возраста

Класс	Среднее		Min	Max	Стандартное отклонение
	Балл	Стен			
Методика К. Готтшальдта					
V	13,47	0,90	2	21	5,76
VII	19,37	1,28	12	29	4,76
IX	26,61	1,76	22	29	2,33
Методика Л. Л. Тёрстоуна					
V	58,57	4,44	14	101	23,07
VII	65,79	5,14	41	97	14,03
IX	66,44	5,37	33	90	12,19

Таблица 3 — Показатели самоутверждения полнезависимых/полнезависимых обучающихся подросткового возраста

Шкала/уровень		Самоутверждение					
		Конструктивное		Деструктивное		Отказ	
		Ниже среднего	Выше среднего	Ниже среднего	Выше среднего	Ниже среднего	Выше среднего
ПЗ/ПНЗ	Ниже среднего	14	11	13	12	5	14
	Выше среднего	10	15	13	12	13	8

Примечание. ПЗ — полнезависимость; ПНЗ — полнезависимость.

моутверждение» позволяет сделать предположение, что группы по подобию («выше — выше среднего» и «ниже — ниже среднего») представлены бóльшим количеством респондентов, чем группы с альтернативными уровнями. Распределение подростков в зависимости от уровня когнитивного стиля и деструктивного самоутверждения является близким к равномерному. Наибольший интерес представляет квадрат «полнезависимость/полнезависимость и отказ от самоутверждения». Реже встречаются группы обучающихся с отказом от самоутверждения и полнезависимостью ниже среднего уровня (5) и отказом от самоутверждения выше среднего

уровня и полнезависимостью ниже среднего уровня (8). Число испытуемых с низкой полнезависимостью и отказом от самоутверждения выше среднего уровня (14) приблизительно одинаково в сравнении с количеством респондентов из группы «полнезависимость выше среднего — отказ от самоутверждения ниже среднего» (13).

”

Такие личностные характеристики, как самооценочность, самопринятие, конфликтность и самообвинение, претерпевают изменения на протяжении всего подросткового возраста. Напротив, самоуверенность локализуется при переходе от младшего к среднему подростковому возрасту, а зеркальное Я — от среднего к старшему подростковому возрасту.

Таким образом, обучающиеся, склонные к полнезависимости, наиболее часто выбирают «отказ от самоутверждения», а следовательно, от самореализации, принятия себя такими, какие они есть. У подростков с полнезависимостью более выражена приверженность к конструктивному самоутверждению. Они обладают такими качествами, как ответственность, сознательность выбора, опора на собственные силы, достижение позитивной оценки от окружающих благодаря деятельности на благо общества.

На основании исследования были сделаны следующие выводы.

1. Установлен асинхронный характер конструктивного и деструктивного самоутверждения обучающихся подросткового возраста: максимум этого показателя приходится на VII класс школы. Кроме того, у семиклассников самый низкий показатель отказа от самоутверждения.

2. Обучающиеся VII класса имеют оптимальные показатели самоотношения среди обучающихся других классов по всем трём факторам: у них более выражены самоуважение и аутосимпатия, а также снижен порог внутренней неуверенности.

3. Обнаружена устойчивая тенденция роста полнезависимости, которая определяет степень самостоятельности обучающихся по мере их перехода от младшего к среднему и от среднего к старшему подростковому возрасту.

4. Распределение подростков по соотношению видов самоутверждения и уровня выраженности когнитивного стиля «полнезависимость/полнезависимость» неравномерно: чаще встречаются склонные к полнезависимости обучающиеся с отказом от самоутверждения и полнезависимые подростки с приверженностью к конструктивному самоутверждению.

Полученные результаты представляют непосредственный интерес с точки зрения внедрения интерактивных методов обучения, теории и практики развития межличностных компетенций и социального интеллекта обучающихся подросткового возраста.

Список цитированных источников

1. Либин, А. В. Дифференциальная психология: на пересечении европейских, российских и американских традиций / А. В. Либин. — М. : Смысл, 1999. — 534 с.
2. Лобанов, А. П. Психология интеллекта и когнитивных стилей / А. П. Лобанов. — Минск : Издательский дом Гревцова, 2008. — 296 с.
3. Дзідкоўская, А. А. Сучасныя класіфікацыі і дэфініцыі кагнітыўных стыляў / А. А. Дзідкоўская, А. П. Лабанаў // Весці БДПУ. Сер. 1, Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. — № 2. — 2004. — С. 34—39.
4. Кофейникова, Ю. Л. Метакогнитивные особенности студентов с полнезависимыми и полнезависимыми когнитивными стилями / Ю. Л. Кофейникова, Е. С. Николаева, Ю. В. Суховершина // Педагогика и психология образования. — 2018. — № 2. — С. 103—116.
5. Wardell, D. M. Toward a Multifactor Theory of Style and Their Relationship to Cognition and Affect / D. M. Wardell, J. R. Royce // J. Pers. — 1978. — V. 46. — № 3. — P. 474—505.
6. Холодная, М. А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования / М. А. Холодная. — 2-е изд. — СПб. : Питер, 2002. — 272 с.
7. Чуприкова, Н. И. Умственное развитие: принцип дифференциации / Н. И. Чуприкова. — СПб. : Питер, 2007. — 448 с.
8. Киреева, Е. А. Методика исследования особенностей самоутверждения в подростковом возрасте / Е. А. Киреева, Т. Д. Дубовицкая // Экспериментальная психология. — 2011. — № 2. — С. 115—124.